

А. В. Лазуткин

кафедра политологии юридического факультета
Белорусского государственного университета, Минск

A. Lazutkin

The Department of Political Science
of the Belarusian State University, Minsk

УДК 329(476)

ЭВОЛЮЦИЯ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ МОДЕЛЕЙ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

THE EVOLUTION OF ORGANIZATIONAL MODELS OF MODERN POLITICAL PARTIES

В статье проанализирована историческая трансформация организационных моделей политических партий, выявлены доминирующие модели партий Западной Европы на современном этапе. Европейские тенденции сопоставлены автором с постсоветским опытом трансформации белорусской партийной системы.

Ключевые слова: политические партии; партийная система; организационная модель; типология; трансформация политических партий.

The article analyzes the historical transformation of organizational models of political parties and identifies the dominant models of Western Europe parties at the present stage. European trends are compared with the experience of post-Soviet transformation of the party systems of the Republic of Belarus.

Key words: political parties; party system; organizational model; typology; transformation of political parties.

К определению понятия политической партии сложилось несколько подходов. Исторически первым к анализу политических организаций был применен идеологический подход. Так, идеолог консерватизма Э. Бёрк под партией понимал организацию людей с единой установкой, принципами и единством целей [1, с. 13].

Появление массовых партий в Европе, их структурное усложнение и правовая институционализация нашли отражение в организационно-структурном подходе. Р. Михельсом партия понималась как специфическая форма организации [2, с. 175]. Политолог М. Дюверже отмечал, что структурная организация значительно влияет на идеологический облик, характер деятельности партии и внутрипартийную дисциплину [3, с. 168–169].

По мере дальнейшего усложнения политической системы заявил о себе функциональный подход, который делал акцент на месте и роли партии в конкретной политической системе, ее целях и задачах, особенностях политического поведения и действия – данный подход был характерен для Р. Макридиса [4, с. 24]. Д. Сартори также определял партию через способность замещать государственные должности, фактически сводя к данной функции все прочие [5, с. 14].

Параллельно развивался социально-классовый, марксистско-ленинский подход: вскрывалась классовая природа партий; партия рассматривалась как инструмент выражения политической воли классов, в русле изучения так называемой буржуазной демократии анализировались связи партий с капиталом.

Современными исследователями применяется интегративный подход. Так, политологи Дж. Лапаламбара и М. Вайнер в работе «Политические партии и политическое развитие» называют следующие общие признаки политических партий: 1) наличие идеологии, соответствующей программы действий; 2) наличие организационной структуры 3) наличие социальной базы, связи с социальной группой 4) установка на достижение политической власти [6, с. 13].

Можно констатировать, что аналогичный подход применяется и белорусскими политологами. В. А. Мельник определяет партию как организованную группу единомышленников, представляющую интересы части народа, ставящую своей целью их реализацию путем завоевания государственной власти, участия в ее осуществлении [7, с. 325].

Подробная разработка типологий организационных моделей политических партий началась в XX веке. В зависимости от организационной структуры политолог М. Дюверже выделял два типа партий – массовые и кадровые [8, с. 178]. Первые исторически опирались на широкую социальную базу, имели фиксированное членство и сеть первичных организаций, образованных по территориально-производственному принципу (доминирующим типом являлась континентально-европейская модель, характерная для марксистских партий). Кадровые партии, наоборот, выстраивались «сверху», группировались вокруг партийных лидеров и парламентских фракций, имели аморфную структуру, более близкую к формату политического клуба, и функционировали исключительно в период избирательных кампаний (англосаксонская модель).

Предложенная М. Дюверже дихотомия легла в основу последующих типологий.

М. Вебер по аналогичному критерию разделял политические структуры на «партии знати» и «массовые партии». «Партии знати» являлись «патронажными», поскольку их основной целью выступало замещение постов; массовые партии Вебер именовал «мировоззренческими», подчеркивая превалирующую идеологическую функцию [9, с. 223].

Схожей можно считать и типологию политолога З. Нойманна, который выделил партии индивидуального представительства (аналог «кадровой партии»), которой противопоставлена партия массовой интеграции (основной функцией выступает групповая социализация) [10, с. 31].

На сближение двух основных организационных моделей повлияло повсеместное расширение избирательного права в начале XX века. Чтобы адаптироваться к новым условиям, «старые» кадровые партии приступили к созданию массовых членских организаций. М. Дюверже, в частности, ут-

верждал, что модель массовой партии станет доминирующей и повсеместной в XX веке.

Между тем, к концу XX века социальная база массовых партий значительно сократилась вследствие стирания классовых различий, на которых изначально строились классические массовые партии. Исследователем Л. Эпштейном в противовес М. Дюверже высказывается мнение, что в изменившихся условиях, наоборот, будет происходить сближение с «американской», т. е. кадровой моделью партии [11, с. 224].

Тем не менее, несмотря на отдельные особенности, в Европе продолжают действовать массовые модели партийных организаций, в первую очередь социал-демократической и христианско-демократической направленности. Представляется, что следует говорить не о некой единой доминирующей модели, а о конвергенции двух классических типов. Для описания данной тенденции политологом А. Панебьянко в 1988 году было введено понятие «электорально-профессиональной партии», состоящей из узкого круга профессионалов и политтехнологов, которую политолог противопоставил «массово-бюрократической» модели социалистических и коммунистических партий стран Варшавского договора, существовавших на тот момент [12, с. 17]. Можно констатировать, что массово-бюрократическая модель морально устарела: в частности, партии, выступившие правопреемниками коммунистических, значительно сократили электоральную и кадровую базу, отказались от старых механизмов индоктринации и перешли к доминирующей модели электорально-профессиональной партии, распространившейся в Западной Европе.

Параллельно в Западной Европе в результате конвергенции, которая привела к эволюции классической массовой партии, в послевоенный период появляется третья организационная модель – т. н. «catch-all» партия («всеохватывающая») – термин введен политологом О. Киркхаймером после наблюдения за практикой функционирования социал-демократических организаций в ФРГ и других странах Западной Европы [13, с. 50–60]. «Catch-all» партии выступили правопреемниками «массовой» модели партии, сделав ставку на максимально широкое социальное представительство в ущерб идеологической индоктринации.

Политическая стратегия «catch-all» партии О. Киркхаймера формируется под влиянием модели экономической демократии Энтони Даунса [14]. Партии агрегируют ожидания избирателя, пытаются им максимально соответствовать, а не «убеждать», а избиратель выбирает партию, которая предлагает максимальную выгоду (по Э. Даунсу – экономическую).

Модель, описанная О. Киркхаймером в начале 1960-х годов, добавляется в последующие типологии. В частности, Дж. Сартори выделяет уже три типа партий: парламентско-электоральные, организационно-массовые и электорально-массовые (аналогичные «catch-all»). Уже упомянутый А. Панебьянко говорит о модели электорально-профессиональной партии, противопоставляя ее «старой» массово-бюрократической модели.

Между тем размывание идеологических установок в погоне за электро-ральным результатом постепенно привело к падению популярности массовых партий, сближению левого и правого центра на базе неолиберальных установок, а также положило начало развитию альтернативных «новых» движений, опирающихся на политический протест и радикальные политизированные группировки (в т.ч. анархические). «Старые» массовые партии столкнулись с такими вызовами, как падение численности, старение кадровой базы и рост абсентеизма.

Далее следует новый этап эволюции организационной модели. Сокращение общественной поддержки закономерно привело к увеличению поддержки государственной. Чтобы приспособиться к неблагоприятным условиям, массовые партии вынуждены были вступать в «сговор» с другими политическими агентами, в первую очередь – с государством. В начале 1990-х годов политологами Кацем и Майером было описано явление т.н. «картельной партии» [15, с.144–150]. Суть «картельной партии» в том, что номинальные идеологические противники вступают в договоренности и создают картельную группировку с целью не допустить к власти представителей альтернативных и радикальных движений. На практике в такой политической системе действует ограниченная конкуренция, которая выражается в том, что правящая партия достигает негласных соглашений с т.н. системной оппозицией, действуя против радикальных и антисистемных сил. В такой системе важнейшим фактором выступает монополизированный картельными группировками доступ к государственным постам, государственным СМИ, а также иным формам государственной поддержки. Данные изменения привели к этатизации политических партий, деформации их идеологических установок.

Отметим, что для теории картельных группировок характерна слабая эмпирическая проверяемость. Негласные договоренности, которые аксиоматично лежат в основе данной модели, могут быть проанализированы лишь умозрительно. Тем не менее, по оценкам отдельных политологов, в Европейском Союзе тактика «картельных группировок» может эффективно реализовываться через совместные действия социал-демократов и консерваторов против евроскептиков. Обратной стороной данного явления стало налаживание контактов между ультралевыми и ультраправыми евроскептиками, частичное сближение их позиций. Отдельные исследователи утверждают, что доминирующим идеологическим ранжированием становится не традиционное «левое-правое», а «либеральное-нелиберальное» [16]. Действуя в системе ограниченной конкуренции, современные европейские партии не могут предлагать некие радикальные изменения, поэтому политические программы с незначительными нюансами сводятся либо к увеличению государственных услуг (левый центр), либо к уменьшению налогов (правый центр). При этом экономический кризис Европейского Союза 2008-2009 годов ограничил данный выбор, ввиду общеевропейской политики сокращения расходов. В итоге

как консервативные, так и социал-демократические правительства после 2008 года последовательно выступили в поддержку мер жесткой экономии, что вызвало недовольство электората и появлению широкого спектра протестных движений «Occupy», «Indignados», «Anti-АСТА», «Stop-ТТIP» и др. [17].

Новые формы координации массового протеста, а также развитие массовой коммуникации и социальных сетей привело к очередным организационно-структурным изменениям. Так, политолог К. фон Бойме говорит о появлении принципиально новой организационной модели – т. н. «медиа-партии», которая искусственно присутствует в СМИ, создает информационные поводы и ассоциируется с группой профессиональных политиков, но при этом не имеет устойчивой кадровой и электоральной базы [18, с. 24]. По своей структуре такая политическая организация номинально близка к «старой» кадровой партии, но при этом активно использует технологии массовой коммуникации, при взаимодействии с населением минуя традиционное звено партийных активистов. Параллельно исследователи отмечают такую черту современной политики, как ее «медиатизация», под которой понимается не только развитие медиасферы, но и новые критерии восприятия политики в качестве релевантной [19].

Помимо этого, политологом Х. Г. Пуле предложена альтернативная модель эволюция «catch-all» партии, условно названная «catch-all+» [20, с.17]. Будучи массовой по происхождению, «catch-all» партия сокращает свою электоральную базу и перенимает такие черты кадровой, как кратковременность функционирования, структурную аморфность, ориентацию на электоральную кампанию.

Таким образом, проанализировав многообразие существующих типологий, можно свести их к четырем доминирующим типам и двум недавно возникшим.

Рис. 1. Трансформация организационных моделей политических партий

С некоторым допущением можно говорить о «доминирующем партийном типе» конкретного исторического периода, по крайней мере, применительно к европейским политическим системам. Так, в конце XIX – начале XX в. преобладали кадровые партии; в межвоенный период достигли пика популярности массовые партии. Послевоенный период отмечен снижением их популярности и трансформацией в модель «catch-all» («всеохватывающую»). В настоящий момент данная модель функционирует с некоторыми изменениями; кроме того, последние три десятилетия отмечены функционированием картельных группировок, а в последние два десятилетия под влиянием развития информационных технологий появляется феномен т. н. «медиа-партии».

Между тем, многообразие современной политической практики проявляется в том, что на выполнение партийных функций могут претендовать как собственно политические партии, так и непартийные движения, антисистемные организации, в т. ч. радикальные политизированные группировки. Поэтому для определения единиц анализа партийной системы необходим более широкий набор критериев. К примеру, политолог К. Джанда называет 10 признаков современной политической партии, среди которых выделены: 1) институционализация – степень присутствия партии в общественном сознании; 2) наличие проблемной ориентации; 3) наличие социальной поддержки; 4) организационная сложность; 5) централизация власти; 6) автономия – структурная независимость партии от других институтов и организаций, действующих внутри и за пределами страны; 7) согласованность партийных установок и поведения членов партии; 8) вовлеченность – психологическая идентификация членов партий, их стремление способствовать достижению общих целей; 9) наличие стратегии и тактики; 10) правительственный статус (способность находится у власти) [21, с. 84–92].

Представляется, что действующие в Республике Беларусь политические организации перечисленным признакам отвечают лишь частично.

Из этого следует, что в зависимости от рассматриваемого набора признаков при изучении политических организаций допустим узкий либо широкий подход.

Как правило, в белорусской научной литературе исследование политических партий сводится преимущественно к анализу программ, исторической справке и классификации по идеологическому признаку. При этом объектом анализа выступают только зарегистрированные в качестве политических партий структуры. Таким образом, единственным критерием отнесения той или иной единицы анализа к партийной системе является регистрация в качестве политической партии [22, с. 82–90].

Данный подход следует считать узким. Представляется, что для изучения практики становления белорусской партийной системы при выборе единиц анализа более уместен широкий подход. По нашему мнению, при использовании формально-юридического критерия (т. е. регистрации) следует дополнительно учитывать следующие факторы:

- отдельные партии, сохраняя регистрацию, фактически не осуществляют деятельность;
- часть аффилированных с партиями структур, имея регистрацию, позиционирует себя как неполитические (аналитические центры, организации неформального образования, экспертные сообщества и др.);
- часть структур пытается получить регистрацию в форме общественных объединений, декларируя политические цели под видом неполитических: образовательных, культурных, правозащитных, проч.;
- часть структур имеет иностранную регистрацию;
- часть структур лишена регистрации, однако продолжает деятельность;
- отдельные незарегистрированные партии активно действуют на правах оргкомитетов;
- часть структур имеют не предусмотренную в законодательных актах организационно-правовую форму («движение», «консорциум», «общественная кампания», «ассамблея», «конгресс» и проч.);
- часть структур открыто ориентирована на противоправную деятельность и не заинтересована в легализации [23, с. 99–106].

Таким образом, сопоставив доминирующие организационные модели зарубежных политических партий и существующих в Беларуси политизированных объединений, можно сделать вывод о том, что различные правовые формы белорусских партийно-политических структур требуют широкого подхода для релевантного описания политической практики.

Список использованных источников

1. Берк, Э. Защита естественного общества. Эгалитаристские памфлеты в Англии середины XVIII века / Э. Берк. – М.: Наука, 1992. – 174 с.
2. Михельс, Р. Социология политической партии в условиях демократии / Р. Михельс // Антология мировой политической мысли / отв. ред. Т. А. Алексеева. – Т. 2. – М., 1997. – С. 175–184.
3. Дюверже, М. Политические партии / М. Дюверже // Вся политика: хрестоматия / сост.: В. Д. Нечаев, А. В. Филиппов. – М., 2006. – С. 168–176.
4. Macridis, R. C. Introduction to Comparative Politics, Second Edition / R.C. Macridis, L.B. Steven. – New York: HarperCollins Publishers, 1991. – 230 p.
5. Сартори, Дж. Партии и партийные системы: рамки анализа // Партии и выборы: хрестоматия / под ред. Н. В. Анохина, Е. Ю. Мелешкиной. – М.: ИНИОН РАН, 2004. – Ч.1. – С. 14–26.
6. The Origin and Development of Political Parties // Political Parties and Political Development / D. LaPalombara, M. Weiner (eds). – N.Y.: 1966. – P. 34–79.
7. Современный словарь по политологии: словарь / В. А. Мельник. – Минск: Книжный Дом, 2004. – 640 с.
8. Дюверже, М. Политические партии / М. Дюверже // Вся политика: хрестоматия / сост.: В. Д. Нечаев, А. В. Филиппов. – М., 2006. – С. 168–176.
9. Вебер, М. Избранные произведения: пер. с нем./ М. Вебер. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
10. Нойманн, З. Собрание сочинений / З. Нойманн. – М.: Наука, 1998. – 351 с.
11. Epstein, L. Political parties in western democracies / L. Epstein. – London: Pall mall press. – 1967. – 374 p.

12. *Panbianko, A.* Political Parties: Organisation and Power / A. Panbianko. – Cambridge: Cambridge University Press. – 1988. – 273 p.
13. *Kirchheimer, O.* The catch-all-party / O. Kirchheimer // The West European Party system / ed. By P. Mair. Oxford: Oxford University Press. – 1990. – 376 p.
14. *Downes, A.* An Economic Theory of Democracy / A. Downes. – New York: Harper & Row. – 1957. – 444 p.
15. *Кац, Р.* Изменяющиеся модели партийной организации и партийной демократии: возникновение «картельных партий» / Р. Кац, П. Мэйр // Теория партий и партийных систем: Хрестоматия / сост. Б. А. Исаев. – М.: Аспект Пресс, 2008. – С. 144–150.
16. *Gusenbauer, A.* For a New Social Deal. Believing in the Hopes that Social Democracy Aspires to be Entrusted with / A. Gusenbauer // Next Left Research Programme [Electronic resource]. – Foundation for European Progressive Studies, 2008–2018. – Mode of access: <http://www.feps-europe.eu/assets/f96e08e3-a810-4c58-abec-cb60c60ead74/for%20a%20new%20social%20deal.pdf>. – Date of access: 20.12.2017.
17. *Diamond, P.* Welfare States after the Crisis: Changing Public Attitudes / P. Diamond // Next Left Research Programme [Electronic resource]. – Foundation for European Progressive Studies, 2008–2018. – Mode of access: <http://www.feps-europe.eu/assets/f96e08e3-a810-4c58-abec-cb60c60ead74/for%20a%20new%20social%20deal.pdf>. – Date of access: 20.12.2017.
18. *Бойме, фон. К.* Дилеммы европейской демократии и возможности ее реформирования / К. фон Бойме // Актуальные проблемы Европы. – 2005. – № 4 – С. 18–23.
19. *Bielskis, A.* The Challenges for the Left in the 21st Century: Lessons from Marxism / A. Bielskis // Next Left Research Programme [Electronic resource]. – Foundation for European Progressive Studies, 2008–2018. – <http://www.feps-europe.eu/assets/f96e08e3-a810-4c58-abec-cb60c60ead74/for%20a%20new%20social%20deal.pdf>. – Date of access: 20.12.2017.
20. *Puhle, H.-J.* Still the Age of Catch-Allism? Volksparteien und Parteienstaat in Crisis and Re-Equilibration // Political Parties Old Concepts and New Challenges, ed. Gunther R, Montero J.R and Linz J.J. Oxford, 2002. – P. 18–28.
21. *Джанда, К.* Сравнение политических партий: исследование и теория // Современная сравнительная политология. – М., 1997. – С. 84–144.
22. *Лазуткин, А.* Проблема типологизации партийной системы Республики Беларусь / А. Лазуткин // Научные труды Республиканского института высшей школы. – Минск: РИВШ, 2017. – № 2. – С. 82–90.
23. *Лазуткин, А.* Правовое регулирование деятельности общественных объединений как фактор становления партийной системы в Республике Беларусь / А. Лазуткин // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – Брест: «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна», 2017. – № 1. – С. 99–106.

(Дата подачи: 26.02.2018 г.)